

В былые времена она меня любила...

Денис Давыдов

ГЛАВА 1

КЛЮЧ

— Ну вообще-то, я думал, вы авантюристка какая-нибудь, — высокомерно улыбаясь, проговорил клиент.

Лидия вскинула брови:

— Отчего же вы так думали?

Она не сомневалась, что голос ее звучит не менее высокомерно, чем голос клиента. А то и более. Во всяком случае, она постаралась, как могла.

— Ну понимаете... — Клиент смерил ее взглядом и замялся, словно многоточие поставил. — Реклама ваша... Как-то это, понимаете ли... — Он пожал плечами раз, а потом и другой.

Лидия тоже пожалала плечами и тоже дважды. Ей как-то приходилось слышать о нейролингвистическом программировании, и она запомнила, что среди его видов существует так называемое кинематическое. А может быть, кинетическое. А может быть, как-то иначе оно называлось, но точно на букву К.

Да не в букве дело, а в том, чтобы, в точности повторяя жесты и телодвижения собеседника, таким нехитрым кинетическим (или все же кинематическим?!) способом его к себе расположить, внушить ему полное доверие и глубокую симпатию к своей персоне. Это для Лидии было очень, очень важно, ведь сей господин — по фамилии Рошин, по имени Алексей, по отчеству Васильевич — был ее первым клиентом. И Лидия загадала: если она с г-ном Рошиным А.В. отработает как надо, стало быть, и замысел ее удастся, и дело пойдет. По принципу «хорошее начало полдела откачало!».

Строго говоря, она очень хорошо понимала смысл клиентских нерешительных многоточий и пожатий его плеч. Сдержанная, неброская реклама, которую Лидия разместила на городском форуме nn.ru, была лаконична: *«Ключ к тайне». Составляю родословные, рисую генеалогическое древо семьи. Исследую историю вашего рода, семейные секреты ваших предков»,* — однако, на взгляд человека понимающего, несла в себе массу самой завлекательной информации. В наше время, когда множество народу вдруг дуром разбогатело и сочло, что рабоче-крестьянское происхождение для них уже неактуально и даже, воля ваша, где-то некомильфо, спрос на внушительные родословные очень резко повысился. Бытие по-прежнему определяет сознание, и вполне объяснимо желание какого-нибудь нувориша, накачавшего на свой банковский счетец сумму со множеством нулей, облагородить мраморные или, условно говоря, палисандровые стены своего особняка не просто черно-белыми слепыми фотографиями прадедушки в плисовых штанах и са-

погах бутылками, имеющего на голове картуз, а под мышкой — бутафорскую трехрядку, и прабабушки в сборчатой кофте, в ботинках с ушками и с жидкими волосиками, сожженными на висках перекаленными щипцами, а портретами так называемых *предков* в пудренных париках и жабо, в эспаньолках и пенсне, в шляпах с перьями и в золоченых брабантских манжетах (это если речь идет об особах мужского пола), а также в декольте, открывающих покатые, непременно покатые плечи и беломраморные, непременно беломраморные груди, в буклях *à la grecque*, кринолинах или турнюрах, фермуарах и склаважах (это ежели речь об особах пола дамского). Насколько знала Лидия, в обеих столицах генеалогический бизнес расцвел уже просто-таки махровым цветом, в конторах по выращиванию генеалогических древ трудились, аки пчелки, архивариусы всех мастей, порою не только с кандидатскими, но даже и профессорскими званиями. Однако в городе Н.Н., где обитала Лидия, ниша сия еще не была заполнена. И вот однажды, затосковав от корректорской поденщины в модном журнале «Я выбираю красивых людей!» (от воинствующей гламурщины, смешанной с воинствующей же пошлостью, челюсти сводило, будто от килограмма подпорченных лимонов, съеденных без сахара), за которую платили удручающе мало, да еще и уверенности в завтрашнем дне не было никакой (многолюдный штат редакции был укомплектован исключительно «своими», за которыми стояли держатели акций и спонсоры, а Лидия была «чужая», за ней никто не стоял, да и не было у нее ничего, кроме репутации блистательного стилиста — это плюс — и за-

нудной пуристки русского языка — это минус, — но кому в наше время, когда полным-полно всяких редакторских и корректорских программ, эта репутация вообще сдалась?!), она и придумала себе маленький побочный бизнес.

Строго говоря, клиент (г-н Рошин) был совершенно прав, назвав эту затею авантюрой. У Лидии не было никакого доступа в архивы, не говоря уже о спецхране. Она не имела ни малейшей возможности для проникновения в те самые чужие семейные тайны, исследование которых столь залихватски пообещала своим гипотетическим клиентам. Однако Лидия не только любила историю и была блестящим стилистом — она еще родилась на свет ужасной фантазеркой. Наверное, ей следовало бы сделаться писательницей, но вот беда: способности к сюжетосложению у нее были, мягко говоря, весьма средненькими. Она могла напридумывать массу захватывающих подробностей о жизни, манерах, страстях, поведении, одежде и быте людей, однако связать все это единым сюжетом, нанизать эти затейливо приготовленные кусочки на шампур, не побоимся этого слова, фавулы ей никак не удавалось. Познакомившись с ее попытками словотворчества и отметив восхитительную детализацию, издатели очень скоро начинали от переизбытка этих самых деталей зевать и, мысленно назвав автора занудой, писали ей «ответ с отказом» — когда любезным, когда не совсем. В конце концов Лидия оставила мечты о том, чтобы сделаться русским вариантом Дафны Дюморье и Мэри Стюарт (это были ее любимые писательницы). Однако, самонадеянно рассудила Лидия, когда обдумывала свой, вы-

ражаясь фигурально, новый бизнес, всякая родословная — это не что иное, как множество разрозненных сюжетных линий, слитых воедино мощным талантом самого гениального на свете автора — Судьбы. Лидия знала, что ей порою (а может быть, и частенько) придется привирать (она предпочитала эвфемизм — напрягать фантазию), однако никаких моральных препон выставлять себе не собиралась. Она сделает все, что сможет, опираясь на максимум реальных, доступных сведений, которые предоставит клиент или которые ей удастся раздобыть. Но если дело дойдет до недоступных, придется-таки напрячь эту самую фантазию. Главное ведь, чтобы клиент получил удовольствие, читая историю своего рода. Главное, чтобы ему стало интересно. Чтобы ему было чем гордиться! И Лидия не сомневалась, что скелеты, которые воленс-ноленс прячутся в каждом шкафу, будут ее стараниями принаряжены в самые пышные одеяния!

А ее творческая, вернее сказать, генетическая лаборатория... Вход в нее будет закрыт для непосвященных. Всякое, в конце концов, ремесло имеет свои тайны, порою даже не слишком приглядные. Например, производство душистого мыла... На самом деле это ужас что такое! Менее благоуханное занятие просто трудно себе представить! И вообще — когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...

Если уж стихи растут из сора и не ведают в том стыда, то родословным сам Бог велел, считала Лидия.

— Кстати, ваша фамилия... — внезапно раздался рядом мужской голос, и Лидия рассеянно воззрилась

на его обладателя, о существовании коего уже успела позабыть.

Ох ты, господи, да это же ее клиент, ее первый клиент, явившийся в ее крохотный офис, который она контрабандно оборудовала в собственной корректорской, благо была ее единственной обитательницей, а в это крыло здания, которое снимала редакция «Я выбираю красивых людей!», практически никто не заглядывал (господа редакторы предпочитали вызывать скромную корректоршу в свои кабинеты). Лидия, задумавшись об истоках своего дела, начисто о г-не Рошине забыла, а он взял да и напомнил о себе. И правильно сделал!

— Моя фамилия? — осторожно переспросила Лидия. — А что с ней такое?

На самом деле она лукавила. Она отлично знала, «что такое» с ее фамилией...

— Да ничего особенного, — сдержанно усмехнулся г-н Рошин. — Но, честное слово, не каждый день встретишь человека с фамилией Дуглас. Ваши предки были иностранцы?

Лидия Дуглас вспомнила о нейролингвистическом программировании — и тоже улыбнулась, и тоже сдержанно:

— Да.

И умолкла, несмотря на то, что г-н Рошин явно ждал продолжения. Но штука в том, что Лидии просто нечего было ему сказать. Поговорка о сапожнике без сапог в данном случае была весьма уместна! Об истории своей фамилии она ровным счетом ничего не знала, кроме того, что эта фамилия в свое время помешала ее деду поступить в университет, а ее пра-

деду она вообще стоила жизни. Однако подробности этой трагической истории в семье были неизвестны.

— Да, фамилия этакая... странноватая, — неодобрительно покачал головой г-н Рошин, так и не поддавшись рассказу о фамилии Дуглас, однако тут же расщедрился на снисходительную улыбку: — К счастью, ваша внешность внушает доверие.

Лидия в ответ тоже улыбнулась — довольно кисло, между нами говоря. Нет, ну в самом деле, она совершенно не знала, как эти слова воспринимать. Наверное, как комплимент? В том смысле, что гладенько причесанная голова, закрученные в скромненький узелок русые волосы, круглые очки и демонстративное неприятие косметики, серая водолазка, серая же фланелевая юбка-миди и бареточки без каблучков, со шнуровочкой могли рекомендовать Лидию Дуглас с самой лучшей стороны? Г-н Рошин не мог знать, что подобный прикид (будем называть вещи своими именами!) являлся своеобразным протестом Лидии против упомянутой гламурности ее места работы. На эту самую гламурность у Лидии уже идиосинкразия выработалась, порой при виде глянцевого глянца страниц с лупоглазыми «красивыми людьми», на которых пиджачки от Хьюго Босса сидели в точности как жокейские седла на буренках, у нее натуральные судороги начинались, — вот она и спасалась таким нехитрым образом. И она была просто счастлива, что этот ее заунывный вид внушил г-ну Рошину необходимое доверие для того, чтобы наконец-то перейти к делу.

— Понимаете, Лидия Артемьевна, я тут кое-какие справки наводил и знаю, что бизнес этот, ну, со-

ставление родословных, — штука дорогая для заказчика, а для исполнителя — хорошо оплачиваемая. А я в настоящий момент, сказать по правде... — Г-н Рошин выразительно щелкнул пальцами, и Лидия словно расслышала в этом щелканье сакраментальные фразы: «стеснен в средствах», «поиздержался в дороге» et cetera et cetera... — Понимаете, только что в фирме ремонт закончили, да это бы еще ничего, но у жены («у второй жены», — зачем-то уточнил он с застенчивой улыбкой) был день рождения, я ей «Мазду» купил, ну а первая жена (теперь Лидия поняла, зачем потребовалось уточнение) узнала, разобиделась, начала сына против меня настраивать... Пришлось ей тоже срочно машину взять, «Фольксваген», а сына отправить на каникулы в Альпы, на горных лыжах покататься. Сами понимаете, расходы понес немалые. Конечно, поступления на счет идут, но у нас как раз сейчас налоговые отчисления, то да се... Ну, сами понимаете. Кроме того, я ваших способностей, качества вашей работы еще не знаю. Поэтому вот какое предложение: мы пока не станем говорить обо всей родословной, а побеседуем только об отдельном ее фрагменте. Очень небольшом фрагменте. Как вы на это смотрите?

Лидия смотрела на него во все свои серые и довольно большие глаза. Она на него, можно сказать, пялилась!

Рискуя несколько отклониться от хода нашего повествования, скажем, что г-н Рошин этого вполне заслуживал. На вид ему было лет тридцать пять, то есть немногим больше, чем самой Лидии, однако во всей его внешности была видна повадка много испы-

тавшего и очень уверенного в себе человека. Он был не то чтобы красив — он был весьма мужествен. Имел приятные, хоть и неправильные черты, и если лицо его и имело несколько ожесточенное, даже агрессивное выражение, то что же делать, господа, если жизнь, как говорится, такой?! Зато г-н Роцин не разъелся, не обрюзг, не обзавелся вторым или даже третьим подбородком, не отрастил себе омерзительное пивное брюшко, у него не заплыли глаза и не пробилась плешь. Он был неброско, дорого одет, он был богат и добросердечен (купить первой жене дорогущую машину только ради того, чтобы не завидовала своей преемнице, — это вам не кот начхал!) — словом, он был мужчина хоть куда, и Лидия, честно говоря, давненько сожалела о том, что предстала перед ним в виде столь заунывного синего (серого, если быть точным!) чулка. А впрочем, предстань она перед ним в образе самой очаровательной из всех очаровашек, словно бы только что сошедших со страниц лакового журнала «Я выбираю красивых людей!», это вряд ли побудило бы г-на Роцина взглянуть на нее благосклонно: этаких-то он небось видел-перевидел, они небось так и спархивают к нему со всех сторон, словно птицы к святому Антонию... Нет, Лидия, наоборот, должна изо всех сил похвалить себя за то, что оделась со всей мыслимой и немислимой невзрачностью и голубые глаза г-на Роцина, густо опушенные очень длинными черными ресницами (ирландские этакие глаза, очень опасные, надо заметить, для всякого женского сердца!), глядят на нее с доверием и уважением, а вовсе не с каким-то там малопрстойным намеком.

Лидия с тяжким вздохом похвалила себя, отвела взор от глаз г-на Рощина и спросила:

— О каком фрагменте идет речь? Вы что-то конкретное имеете в виду?

— Видите ли... — Г-н Рошин поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, однако это было невозможно, потому что это было невозможно в принципе, и он смирился. — Видите ли, Лидия Артемьевна, я хочу вам рассказать, с чего все началось. Я хоть и развелся с первой женой, но сына очень люблю. Мы с ним друзья. Я для него на все готов! Летом ездил с ним в Бургундию, это во Франции, — счел нужным пояснить он, и Лидия призадумалась было, обидеться на него за эту «сноску» или нет, но, поразмыслив, все же не стала мелочиться, — гостили у моего бизнес-партнера, Виктора Марше, у которого я закупую бургундские вина для своей сети магазинов, а у него дом неподалеку от Дижона, шато, можно сказать, все увешанное портретами предков. Дочку его зовут Жюли, с ней мой сын очень подружился, и она ему о своих пращурах рассказывала. Соображая такая девка, четырнадцать лет, всего на два года моего Лёхи старше, а шпарит как по писаному: этот был прево¹ Дижона в тысяча пятьсот каком-то году, этого в конце XVIII века гильотинировали в Париже, этот побывал в России вместе с наполеоновскими войсками, чуть не сгинул в наших снегах, этот погиб при

---

¹ Прево (prévôt) — во Франции XI—XVIII веков королевский чиновник, обладавший в подведомственном ему административно-судебном округе (превотаже) судебной, фискальной и военной властью.

Марне, этот был в Сопротивлении, а этот и вовсе в Святую землю с крестonosцами ходил... Всех и не упомнишь, у них там портретов дам и кавалеров — ну что тебе в Третьяковке! И Лёха говорит мне как-то раз: «Пап, Жюли рассказывала, что Марше этим именем всех старших дочерей называют в честь русской гадалки, которая спасла того наполеоновского офицера, предсказав ему, что мост через Березину будет разрушен, и он ей сначала не верил, а потом в последний момент на лодке переправился в стороне от моста, так и остался жив, и вот теперь весь их род ее как бы благодарит.

— Русская гадалка по имени Жюли? — скептически пробормотала Лидия. — Во времена наполеоновского нашествия? То есть ее звали или Юлия, или, всего вернее, Ульяна?.. Французский офицер и русская гадалка... Боже мой, какой сюжет для дамского романа! Однако извините, я вас перебила, — спохватилась она.

— Ну, значит, мой сын мне говорит, — продолжил Рошин. — «Пап, ты говорил, что у нас в семье старших сыновей всегда Алексеями называют, а мы не знаем, почему и в честь кого. Почему мы вообще только про дедушку твоего знаем, который Автозавод строил? А до него разве никого не было? Я хочу про всех своих предков знать, хочу, чтобы у меня тоже их портреты были!» Я как это услышал, у меня прямо сердце кровью облилось. Мне тоже всегда хотелось знать побольше о своих дедах и прадедах! Но теперь все концы оборваны. Дедов ни у меня, ни у бывшей жены никого не осталось, и если ее родите-

ли хоть что-то смутно знают о своих предках, то у нас — почти полная тьма.

— Почти? — быстро глянула на него Лидия. — Значит, кое-что все же известно?

— Кое-что. Практически ничего. Отец рассказывал, что в пору его детства хранилась в семье Библия, на которой почти выцветшими чернилами было написано: «Ирины Михайловны Рошиной собственность. 1814 год. Господи, утоли моя печали!» Очевидно, это была моя прапра... — Он махнул рукой. — Уж и не сочту, сколько этих прапра нужно поставить. 1814 год, шутка ли, почти двести лет прошло! Еще в Библии лежал обрывок листка бумаги — желтого, такого истончившегося, похожего на засушенный лепесток какого-то цветка. Наверное, это было письмо, но чернила где расплылись, где выцвели, я помню, там можно было только несколько слов разобрать: «...*в честь моего обожаемого покойного супруга... Сегодня два года, день в день, как свершилось самое страшное, самое печальное событие в моей жизни...*» Честно признаться, дословно я уже не помню. Да неважно, впрочем! Потом квартиру нашу обворовали, я тогда еще маленький был, пропала и Библия, и этот обрывок. Может, выбросили ее воры, может, букинистам продали — теперь концов не найдешь. Но имя это и дату я очень хорошо помню, и вот почему. В нашем художественном музее выставка сейчас идет — «Картины из частных собраний меценатов и дарителей». Честно вам признаюсь, — Рошин ухмыльнулся, — я в музеи редко хожу, работа, все такое, не до искусства. Меня на эту выставку вытащил все тот же мой французский приятель, Виктор Мар-

ше. Он на несколько дней приезжал в гости, посмотреть, как наш с ним совместный бизнес развивается... Может, слышали, сеть магазинов «Марше о вэн», «Винный базар»? Тут игра слов — его фамилия тоже Марше... Прямые поставки из Бургундии, отличное вино, есть ординарное, но есть и двадцатилетней выдержки, настоящие коллекционные образцы!

— Знаете, — сконфуженно призналась Лидия, — вы только не обижайтесь, Алексей Васильевич, но я в винах вообще ничего не понимаю и практически их не пью.

— И правильно, и правильно, — хмыкнул Рошин весьма иронически. — Кто не курит и не пьет... Не зря БэГэ еще в прошлом веке говорил: не пей, мол, вина, Гертруда!

Лидия хотела было уточнить, что слова эти принадлежат не столько БэГэ, в смысле Борису Гребенщикову, сколько некоему ВэШэ, в смысле Вильяму Шекспиру, и сказаны о-очень задолго до прошлого, в смысле, XX века, но решила опять-таки не мелочиться и сдержанно напомнила об утерянной нити беседы:

— Так что там произошло, на той выставке?

— Там был один пейзаж, — сказал Рошин. — Пейзаж да и пейзаж, ничего особенного, ну, природа, ну, погода... Но под ним висела табличка — вот она, я ее в точности списал. — И, достав из солидного кожаного портфеля (на благородно-тусклом, словно бы состаренном временем, замочке было написано: «Dr.Koffe») блокнот в столь же кожаной и столь же солидной обложке, раскрыл его и прочел: — «Эта картина была подарена музею автором, сведения о

котором затерялись, поэтому она называется теперь — «*работа неизвестного художника*». Однако, если судить по манере письма, она вполне может принадлежать кисти малоизвестного живописца Ильи Фоминичнина, примыкавшего к кружку передвижников и бывшего в юности крепостным человеком московской помещицы, вдовы известного доктора Сташевского, Ирины Михайловны Рощиной-Сташевской». А? Понимаете? Я как увидел эту подпись, сразу восторженно вскрикнул. Это же надо, какое совпадение!

— Ну да, — осторожно согласилась Лидия. — В самом деле, на книге подпись Ирины Михайловны Рощиной — и тут Ирина Михайловна Рощина... Но на книге стоит 1814 год. А передвижники — это когда? Кажется, 1870—1980-е годы. Долго же она прожила! Почти весь XIX век на ее глазах прошел, какие мемуары можно было бы написать, просто чудо! Но откуда же взялся этот Сташевский?

— Я думаю, — решительно сказал Рошин, — это ее второй муж. Дети у нее — мои предки — были от Рощина, может быть, от того самого, в честь которого у нас всех старших сыновей называют Алексеями, а потом он умер — и она вышла за Сташевского.

— С таким же успехом Рошин мог быть ее братом, — возразила Лидия. — Она просто-напросто не поменяла фамилию после замужества, а присоединила ее к своей девичьей.

— Да ну, вряд ли... — покачал головой Рошин. — Это уж такая редкость была, чтобы сохранить девичью фамилию.

— И все же сохраняли, — возразила Лидия, — если она была чем-то особенно знаменита.

— Ну вы слышали о какой-то знаменитости по фамилии Рошин?

Лидия подумала и честно призналась:

— Нет. Но мы очень мало знаем даже об истории страны, что уж говорить о так называемой частной истории? Можно только гадать о том, почему Ирине Михайловне была так дорога эта фамилия.

— Например, — упрямо сказал Рошин, — это была фамилия ее первого мужа, человека, которого она очень любила, детей которого растила, а за Сташевского вышла... ну, мало ли, просто чтобы жить легче было.

Лидия посмотрела на своего первого клиента с интересом. Да он сам задает ей сюжет! Миф первый: «Алексей и Ирина»... Ну что ж, тем легче будет Лидии сочинить эту историю. Наверное, узнай она каким-то невероятным образом истинную подоплеку отношений первого Алексея Рошина и этой Ирины Михайловны, совладелец сети магазинов «Марше о вэн» будет страшно разочарован, если это окажутся не любовные отношения.

— А почему, если старшие сыновья в вашей семье всегда Алексеи, ваше отчество — Васильевич?

— Потому что мой отец был младшим сыном, — усмехнулся Рошин. — Но его брату Алексею не везло — у него одни девчонки рождались. И я получился старшим сыном в семье. И ношу это имя. А потом так своего сына назвал. И он своего назовет. Вот если бы еще узнать, кем он был, этот Алексей Рошин...

— Если принять вашу версию любви и брака, в 1814 году Ирина Михайловна уже была за ним замужем, — задумчиво сказала Лидия. — Только что окон-

чилась Отечественная война, то есть в России она окончилась, но еще шла во Франции. Очень может быть, что он воевал или даже погиб на этой войне.

— Ага, ага! — радостно согласился Рошин. — Вам надо, короче говоря, подобраться к архивным документам, которые касаются начала 1800-х годов. У вас есть доступы в архивы?

Лидия многозначительно повела бровью. А что ей оставалось делать? Только и поводить бровью! Не признаваться же, что никакого доступа нет и в помине!

— Да все ясно, — кивнул Рошин. — Туда так просто не подобрешься. Я что хочу сказать? Я все эти разговоры о своих тратах зачем заводил? Затем, чтобы подойти к теме о гонораре. За информацию об Алексее и Ирине Рошиных я заплачу тысячу долларов аванса. Вы сможете расходувать эти деньги на, как бы это выразиться, смазывание дверей, через которые должны пройти в архив. Потом представите мне отчетец, сколько на эту смазку израсходовано. Это у нас пройдет по графе представительских расходов. А ваш собственно гонорар... Две тысячи долларов вас устроят? Или лучше в евро?

— Лучше в евро, — эхом отозвалась Лидия.

— В смысле, я хочу сказать, в рублях по курсу евро, — уточнил Рошин, и на эти его слова тоже откликнулось эхо:

— ...по курсу евро...

— Вы предпочитаете на счет или наличными?

— ...или наличными...

Рошин подозрительно взглянул по сторонам, словно дивясь, что у такого тесенького помещения такая мощная акустика, и это дало Лидии возможность

взять себя в руки. Нет, ну в самом деле, придержи свой восторг! Неприлично, честное слово, так радоваться презренному металлу, вернее, презренной бумаге! Неприлично показывать, насколько тебе остро чертело безденежье, насколько ты устала от него. Насколько хочется позволить себе какую-то неожиданную радость — вроде поездки в Турцию, к примеру, где ты никогда не была... Кажется, сейчас уже нет на свете человека, который не съездил бы в Турцию, ты — последняя могиканка. Но эти деньги, которые для г-на Рощина с его привычкой утешать жен автомобилями, сущие гроши, для Лидии — почти сокровища инков и майя, вместе взятые!

Стоп. Их еще нужно заработать. Конечно, ты можешь прямо нынче же ночью взять и сочинить историю любви Алексея Рощина, бравого гусара, и прекрасной барышни Ирочки — как может быть ее девичья фамилия?.. да не суть важно, любую можно придумать, хоть бы Симонова, — Ирочки, значит, Симоновой, которая обвенчалась с Алексеем Рощиным в разгар войны, накануне битвы при Бородине, и он в этой битве погиб, а у нее остался сын, и в честь своего покойного мужа...

Далее понятно. Сюжет незамысловатый, но вполне достоверный и в те времена часто встречающийся. Замысловатость тут и не нужна. Если Лидия нагромоздит слишком много подробностей, Рощин заподозрит выдумку. Только факты нужны, только скупые факты. Нет, капелька романтического флера не повредит. Можно будет «найти» в архиве какое-нибудь письмо — без адреса, конечно, но написанное в духе прощания юной жены с юным супругом

накануне боя... Рошин охотно поверит, что это письмо писала Ирина Михайловна. Конечно, он потребует доказательств, однако не слишком-то сложно для Лидии с ее даром стилизации изготовить что-то подобное на потертом бумажном листке, написать текст чернилами и перьевой ручкой (можно даже разыскать настоящее гусиное перо для такого дела!), а потом снять с него копию и предоставить этот ксерокс Рошину. Надо только не забыть, что на архивных документах стоят какие-то штампы, печати — единица хранения номер такой-то... и что-то еще в этом же роде.

«О господи, да ты, подруга, кажется, готова не только фальсифицировать исторические документы, но и печати государственных образцов подделывать?» — словно бы ахнул кто-то рядом с Лидией, но она даже не стала оглядываться в поисках этого нервного человека, она и так знала, что это совесть пробудилась... Поздно, голубушка, поздно! Дело сделано, прелестная пачечка голубеньких тысячных купюр и нескольких желтеньких сотенных уже приятно шелестит в ее неловко вытянутой руке. Надо их поскорей спрятать, пока Рошин не передумал.

Да, в самом деле! Лидия вдруг обнаружила, что клиент смотрит на нее как-то очень странно. Как бы размышляет, что делать дальше: вырвать у нее из руки желто-голубую пачку денег или все же не мелочиться?

Лидия торопливо сунула аванс в карман юбки:

— Вы, наверное, хотите, чтобы я вам расписку дала?

— Да бросьте, — пожал плечами Рошин. — Что я, не вижу, с кем имею дело? Вы не из тех, кто немед-

ленно бросится с этими деньгами в ближайшее турагентство и купит путевку в какой-нибудь там турецкий или египетский рай. Вы будете теперь в архиве с утра до ночи сидеть, а сначала, готов спорить, в художественный музей сбегаете, чтобы своими глазами увидеть картину этого бывшего крепостного Ирины Михайловны Рощиной.

— Рощиной-Сташевской, — уточнила Лидия, и Рощин досадливо поморщился:

— Конечно, конечно. Но понимаете, Лидия Артемьевна...

«Сейчас все же попросит расписку», — решила было Лидия, однако на уме у Рощина было что-то другое. Он откровенно мерил свою собеседницу взглядом, словно хотел отыскать, где именно находятся застёжки на ее юбке и пуговицы на свитерке. Но если обнаружить пуговицы на свитерке было невозможно просто потому, что их не существовало как таковых, то застёжки на юбке имелись, и Лидия вдруг ощутила предательское желание показать Рощину, где именно они находятся.

«Почему он так смотрит? — подумала она, ощущая, что щеки загорелись. — А что, если он мной заинтересовался? Что, если решил... мы тут одни в кабинете, да и в здании, кажется, уже никого не осталось... а если он захочет...»

Мысли бестолково заметались, не в силах охватить всех возможных и невозможных желаний и намерений Рощина, и тут он вдруг сделал решительный шаг к Лидии:

— Была не была! Я должен вам кое-что сказать!

Лидия медленно потащила с носа очки. Сказать

по правде, надобности в них никакой не имелось, зрение у нее было превосходное, без очков она гораздо лучше видела, и они, конечно, только помешали бы ей, если бы Рошин вдруг... если бы он...

Как-то странно на нее этот человек действовал, честное слово!

— Послушайте, — сказал Рошин, — послушайте, Лидия Артемьевна. Я вам сейчас кое-что передам. Вот, смотрите.

И он протянул к Лидии ладонь, на которой лежало что-то темное, как бы заржавелое.

Это был ключ.

Лидия снова надела очки. Нет, не для того, чтобы разглядеть ключ — как уже было сказано, она и без очков прекрасно видела! — но чтобы скрыть свое жуткое замешательство.

Да что это на нее нашло? Что это вдруг помutilo ей разум? Как она могла вообразить, что Рошин, богатый, успешный, обремененный деньгами, как иной — долгами, может посмотреть на нее, архивную, так сказать, крысу, серую, признаемся честно, мышку, с непомерным вожделением?! Все-таки одиночество порой сводит женщин с ума, именно что сводит с ума!

Надо надеяться, Рошин не заметил, что в какой-то миг она была просто-напросто готова кинуться в его объятия — даже не кинуться, а натурально броситься! А объятия-то даже и не собирались раскрываться...

Нет, она спятила. Человек, который владеет сетью магазинов, который утирает слезы женам автомобилями, а сыну — поездкой в Альпы... и Лидия

Дуглас?! Да он видит в ней не женщину, а... а всего лишь какое-нибудь зачуханное, перемазанное чернилами пресс-папье!

Ну и ладно. Ну и пожалуйста. Не очень-то и хотелось. Подумаешь, какой-то пошлый виноторговец. Был бы хотя бы удалой спецназовец, в этом хоть какая-то романтика была бы!

— Ключ? — спросила Лидия хрипло и откашлялась. — Что это за ключ?

— Представления не имею, — смущенно признался Рошин. — Ситуация, короче говоря, такая. Библия, о которой я вам говорил, и этот ключ — единственные вещи, которые сохранились в моей семье *из прошлого*. Они, так сказать, *дореволюционные*. Меня еще в детстве это слово — *дореволюционные* — с ума сводило. Невероятно волновало! В нем такая тайна была! И никто ведь не мог мне сказать, что это за ключ, от какой он двери. Но я почему-то думаю, что он тоже имеет отношение к Рошину, к Алексею Рошину и к Ирине Михайловне.

— Да почему?! — изумленно уставилась на него Лидия. — С чего вы взяли?!

— А вот с чего. Вот здесь, на головке ключа, — он ткнул ухоженным ногтем в потемневший от времени металл, — в лупу можно отчетливо разглядеть цифры — 1787. Буквы там какие-то есть, инициалы мастера, наверное, но их не разберешь, а цифры видны вполне ясно. То есть по времени он вполне мог принадлежать Ирине Михайловне!

— Мог принадлежать, — кивнула Лидия. — Но мог и не принадлежать...

И она прикусила язык.

Конечно, конечно, это может ровно ничего не значить. Вполне вероятно, что ни Ирина Михайловна Рощина, ни тот, первый Алексей Рошин в жизни не держали в руках этого ключа. То есть в этом можно быть уверенной на 99 целых 99 сотых и 999 тысячных процента. Но нынешний Рошин, Рошин номер два, очень хочет, чтобы ключ, Библия и картина в художественном музее были звеньями одной цепи. Так в чем же дело? Кто платит деньги, тот и заказывает музыку, подумала Лидия, которой не была иногда чужда доля здорового цинизма. Ну да, она вовсе не была столь уж белой (точнее, серой, учитывая цвет ее одежды) и пушистой, как могло показаться на первый взгляд. Впрочем, о ее циничности говорила, даже просто-таки криком кричала сама идея создания этой конторы с символическим названием «Ключ к тайне».

Да и ладно, не в монастырь же она намерена поступить, чтобы строить из себя воплощение чистоты и невинности! Главное, у него теперь есть ключ, у нее есть тайна — и за разгадку этой самой тайны ей заплатят очень немалые деньги. Так что — вперед, Лидия Дуглас! Только вперед!

В смысле, в художественный музей.

ГЛАВА 2

ДВЕРЬ

Картина была как картина, правильно Рошин сказал: примерно сорок сантиметров на пятьдесят, в тяжеловатой для таких скромных размеров багетовой рамке. Весьма тщательно и, как принято гово-

рить, с душой был изображен речной берег с закраиной леса. Ничего особенного, русский пейзаж, столь же прелестный, сколь и типичный: березки в первом осеннем злате, сизая рябь волн, зрелые камыши. Но это только на первый взгляд все в ней было так просто. До тех пор, пока зритель не обращал внимание на песок с отчетливо видными отпечатками следов — мужских сапог и женских туфель.

Лидия, увидев эти следы, даже вздрогнула. Кому пришло в голову назвать это просто пейзажем? Самая настоящая жанровая картина, даром что ни одного человека не изображено. Но эти следы, которые сходятся с разных сторон берега, какое-то время тянутся вместе, сплетаясь, а потом расходятся снова, — это же отражение человеческих отношений, отражение их развития! Ай да художник Илья Фоминичнин, бывший крепостной докторской вдовицы Ирины Михайловны Рощиной-Сташевской! Ай да молодец! Многое понимал в жизни!

К сожалению, более ни одного произведения, принадлежащего кисти Ильи Фоминичнина, ни в выставочном зале, ни в каком-то другом Лидия не обнаружила. Ну да, Рошин так и говорил. Но на всякий случай Лидия все же подошла к дежурной и спросила о его картинах.

Немолодая дама исключительно интеллигентного вида (здесь работали только такие дамы, в круглых очочках, блузочках с кружевными воротничками и в седеньком перманенте, словно выглянули из каких-нибудь 50-х годов пережитки старого советского мира) посоветовала обратиться к хранителям.

Лидия поглядела на нее с трепетом. Слово это вос-

крешало в памяти страницы какого-то фантастического романа (в юные годы Лидия обожала фантастику, читала ее тонно-километрами, потом все это как-то сошло на нет) или фильма. Что-то вековечное, невероятно значительное, что-то высшее крылось в этом слове. «*Обратитесь к хранителям!*» Чудилось, если она обратится к этим самым хранителям, они не просто ответят на вопрос, есть ли в музее другие картины Фоминичнина, но и помогут заглянуть в некие глубины...

Чего? Да времени, наверное.

«На самом деле хранители времени — это архивы, — тотчас отрезвила себя Лидия. — Никакой мистики! И чем выдумывать бог знает что, шла бы ты лучше к архивариусам, на улицу Большую Печерскую, угол Семашко!»

Конечно, она туда пойдет. Вот только представить себе не может, как будет совать какому-нибудь «хранителю времени» купюру в качестве взятки, дабы быть допущенной к анналам...

Ладно, об этом потом, сначала — к хранителям музейным!

Дежурная сказала, что их кабинеты расположены на третьем этаже. Лидия, благоговая, поднялась туда по боковой, очень крутой и очень неудобной лестнице, благоговая, прошла по скрипучему паркету коридора, оказалась у двери с соответствующей табличкой, благоговая, заглянула, никого не обнаружила и остановилась в благоговейной нерешительности. Раздались шаги, и она увидела человека в зеленом комбинезоне, тащившего стремянку. На плече у него ви-

сел моток провода, из чего Лидия заключила, что это был весьма прозаический монтер.

— Хранителей ищите? — Он произнес это слово без всякого благоговения. — Да они все в подвал ушли — в картотеку. Это из холла вниз по лестнице, мимо гардеробной пройдете, потом налево и опять налево, в третью дверь.

Лидия поблагодарила.

— Вы туда сейчас пойдете? — спросил монтер. — Скажите им, что свет ненадолго вырублю. Минут на пять, не больше, так что пускай не паникуют, а то поднимут визг, вот не люблю!

Лидия пообещала сказать и спустилась в холл, а потом в гардеробную. Ей казалось немножко странным, что всякий-каждый может вот так, запросто, ходить по такой сокровищнице, какой был в ее глазах областной художественный музей.

Она свернула налево и пошла по длинному, плохо освещенному коридору. Лампочки в настенных бра горели почему-то через одну. Тяжелые, окрашенные масляной краской двери терялись в полумраке. С правой стороны их было много, все они имели вполне бытовой вид, были снабжены табличками с номерами, а с левой стороны дверей оказалось раза в два меньше, и они были, во-первых, не белые, а темно-коричневые, а во-вторых, забраны тяжелыми засовами. Ага, значит, всякому-каждому сюда все же нет доступа!

Это несколько успокоило Лидию. Она шла себе и шла, как вдруг что-то щелкнуло довольно громко — и свет погас.

Вот те на! Монтер выполнил свое обещание, а Лидия еще не успела дойти до хранителей и преду-